

АНТИЧНЫЙ
МИР

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

РАССКАЗЫ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Сборник

Римская империя. Рассказы

о повседневной жизни

Серия «Античный мир»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69198931

*Римская империя. Рассказы о повседневной жизни / [А. Фортунатов и др.]: Вече; Москва; 2023
ISBN 978-5-4484-8820-7*

Аннотация

Римская империя – самое великое и могучее государство, которое когда-либо знал западный мир. В годы своего величия Рим владел почти всей Европой, Северной Африкой и большой частью Среднего Востока. В покоренных землях римляне строили дороги и города, распространяли свой язык, культуру и систему управления. В 476 году до н.э. Западная Римская империя рухнула, но достижения этой цивилизации и по сей день оказывают влияние на нашу жизнь.

В предлагаемой книге, впервые вышедшей в 1915 г. под названием «Книга для чтения по Древней истории. Часть III. Рим – империя», рассказывается о повседневной, частной и государственной жизни Римской империи. Среди участников этого необычного проекта были будущие светила советской

исторической науки – Н.А. Кун, В.Н. Перцев, С.И. Радциг, А.А. Фортунатов, А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, К.В. Сивков и другие.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Новое войско и его вожди[1]	7
I. Гай Марий	8
II. «Счастливый»	44
На заводах и в мастерских Древнего Рима (начало I века до Р.Х.)	59
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Римская империя.
Рассказы о
повседневной жизни
Составители А.
Фортунатов и др**

Античный мир

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Новое войско и его вожди¹

А. Фортунатов

¹ Книга начинается рядом статей, хронологически предшествующих императорскому периоду. Составители посчитали возможным включить их, так как они тесно примыкают к этой исторической эпохе и объясняют ее подготовку. В настоящем издании сохранена пунктуация и написание исторических имен и географических названий, принятых в конце XIX – начале XX века.

I. Гай Марий

1

Римский лагерь раскинулся среди африканской пустыни. Было душно, жарко. Раскаленный воздух точно застыл над землей. Заходящее солнце сквозь пелену пыли казалось тусклым, красным шаром.

Легат Гай Марий сидел возле своей палатки, и на душе у него было мрачно и тягостно. Все его раздражало: и жара, и пыль, набившаяся ему в нос и в уши, и нестройный шум солдатской болтовни и песен, несшийся из лагеря. Уныло глядел он вперед и думал.

– Ну вот! Над Югуртой одержали победы. Загнали Югурту в самую глубь пустыни. Теперь уже можно не считать нумидийского царя непобедимым. Но что же из этого? Югурта хитер: он десять раз еще вывернется из беды, как выворачивался раньше. Как его взять в плен, когда войско избаловано прежними консулами свыше меры? Разве можно надеяться на солдат, которые привыкли в лагере держать себя, точно в таверне? На солдат, которых утром не разбудишь звуками походной трубы, которые только ругаются, когда центурионы расталкивают их, заспавшихся после ночных кутежей? Но что можно спрашивать с солдат, если многие воен-

ные трибуны и даже легаты брали золото Югурты! А прежние консулы – Бестия и Альбин? Про них все громко говорили, что их подкупил Югурта. И разве они опровергли эти обвинения? А куда делась военная добыча – золото, оружие, боевые нумидийские слоны? Какой неслыханный позор! Когда он, Марий, прибыл только что в Африку – легатом при новом консуле Метелле, – разве не узнал он прежде всего, что часть военной добычи продали обратно нумидийцам? Продавать оружие и боевых слонов врагам, с которыми идет война! Где это видано? А разве среди самих римских сенаторов нет подкупленных Югуртой? Почему это Югурту не раз вызывали на суд в Рим, и он вернулся оттуда целым? После этого Югурта прав был, когда говорил, уезжая из Рима: «Продажный город, ты скоро погибнешь, если только найдешь себе покупателя».

Ну, пусть Метелл сам не берет золота Югурты, пусть не позволяет так нагло торговать военной добычей. Но разве он наказал всех, виновных в таком позоре? О нет! Для этого пришлось бы обидеть многих знатных нобилей. А сам Метелл – прежде всего аристократ. И никогда не кончится эта война, пока аристократы владеют Римом.

Страшная досада охватила Мария. Сколько лет уже он служит родине, сколько ран получено им в боях! Почему же до сих пор, когда сенаторы и их сыновья разговаривают с ним, Марием, они точно оказывают ему милость? Только потому, что он не нобиль? Что среди его предков не было ни

консулов, ни преторов? Что в его доме не висят восковые маски отцов и дедов? Оттого, что он не учился греческому языку и не имеет привычки к каждому слову поминать Гомера и его героев?

Марию стало даже обидно: зачем Метелл разбил Югурту? Пусть лучше Югурта побил бы его, как побивал он прежних консулов, не стыдившихся брать с него золото, чтобы построить себе где-нибудь на морском берегу мраморные виллы среди миртовых садов. Да, да! Пусть нумидийцы разбили бы Метелла! Тогда все увидали бы, что в консулы надо ставить не изнеженных аристократов, а настоящих солдат.

Вот если бы ему, Марию, стать консулом! Он сразу подтянул бы войска. Тогда не было бы ничего подобного тому, что творится теперь.

Он снова взглянул вдоль линии палаток. Солнце уже скрылось. Кое-где задымили удушливым дымом костры. Он встал и пошел по лагерю. Около двух высоких пальм горел костер. Несколько солдат сидели кружком, оживленно болтая и бранясь. Его они не заметили. Он встал за пальму и начал наблюдать. Солдаты играли в кости. Целая гора серебряных монет лежала в середине. Тут же между солдатами лежали животами на земле два нумидийца в пестрых нарядах. Они участвовали в игре и, должно быть, выигрывали. Черные глаза их так и сверкали радостью при свете костра, а рты улыбались наглой улыбкой, открывая ряды белых, как кость слона, зубов. Игра шла бойко. Серебро так и звенело. Вот один солдат, видно, проигрался. Он снимает с себя меч. Снова кидают кости. Нумидиец радостно гогочет, а солдат с

ругательствами кидает ему меч.

«Ну что можно сделать с такими солдатами? – с раздражением думал Марий. – Этому я, положим, велю завтра отрубить голову, но разве я догляжу за всеми? Все они только и думают, как бы поскорее вернуться домой, а в лагере – чтобы время прошло незаметно».

У него вдруг явилась мысль испытать солдат. Он вышел из-за пальмы и сказал своим зычным голосом:

– Солдаты! Радуйтесь: консул заключает мир, и завтра мы тронемся назад в Италию.

Солдаты, вскочившие с мест при виде его, радостно закричали. Но вдруг они увидели, как налились кровью глаза их начальника и вздулись жилы на его шее. Крик радости так и застрял у них в горле.

«Труссы, пьяницы, предатели родины! – кричал на них Марий, потрясая кулаками. – Чему вы радуетесь? Тому, что мы кончили войну, не взяв Югурту в плен? Так знайте, рабские души, что никакого мира консул не заключал! А вас, трусов, в первом же бою я поставлю на самые опасные места!»

Сорвав первую злость, он дернул за край одежды одного солдата и спросил с презрением в голосе:

«Ну, говори хоть ты: почему ты так рвешься домой?»

«Я оставил поле невспаханным. Отец мой стар. Боюсь, семья моя голодает».

«Сколько у тебя детей?»

«Четверо».

«А сколько югеров земли?»

«Три с половиной».

«Хороша, должно быть, твоя жизнь дома, – с насмешкой сказал Марий, – три югера, четверо детей, да старик отец. Верно, кроме пареной полбы рты ваши ничего не знают, да и той не досыта! А ты? – обратился он к другому. – Ты к чему так рвешься домой?»

«У меня пекарня в Беневенте...»

Марий грубо захохотал.

«Глупцы! Вот и я был таким же простым солдатом, как вы. Мой отец тоже бороздил землю сохой. Почему же я стал легатом? Почему меня выбирали претором? Потому что я не тянулся с войны домой к земле и к печке. Потому что ни разу я не позволил себе держать себя в военном лагере, точно в кабачке! Зато меня, простого солдата, отличил среди всех сам Публий Корнелий Сципион Младший! Понимаете, трусы? Сам разоритель Карфагена! Когда мы стояли в Испании под Нуманцией, знаете ли вы, что сказал мне Сципион? Двадцать шесть раз зима сменяла лето с тех пор, а я как сейчас помню! Сципион позвал меня вместе с легатами и трибунами, разделить с ним обед. Кто-то из возлежавших за столом и спросил главнокомандующего: “Кто же нам заменит тебя после смерти твоей?” А Сципион коснулся моего плеча и сказал: “Может быть, он!”»

У Мария даже голос задрожал:

«Вот видите, негодяи, что значит служба! Здесь вы можете добыть себе все! Добычу, славу, почет! А вы, несчастные, рветесь домой, к вашим лачугам! Ну, убирайтесь прочь, чтоб я вас и не видел».

Сердитый вернулся он в палатку. Там, закусивши лепешкой и запив ее холодной водой, он улегся на свою жесткую постель. В походах он не позволял себе никакой роскоши:

ел из солдатского котла, спал без мягких подстилок. Душа его не лежала к изысканным яствам. Но кроме того, как старый солдат, он хорошо знал, что солдаты любят не столько тех начальников, которые им потворствуют, сколько тех, которые делят с ними и голод и жажду и все тягости похода.

Ворочаясь на постели, он продолжал перебирать мысли, давно засевшие в его голове.

«Крестьянин, если хочет жить в достатке, должен больше всего любить свое поле. Купец должен душу свою класть в расчеты. Так и солдат больше всего должен любить войну и на нее одну возлагать все свои надежды. Без этого и солдаты – не солдаты. Чтобы вернуть прежнюю славу Рима – мало прогнать Метеллов, Сципионов и Овимиев с консульских кресел! Надо все военное дело так перестроить, чтобы ничто не тянуло солдат домой!»

Мысли и планы так и роились в его голове и не давали спать. Почему это так повелось, что только люди, имеющие землю или какой-нибудь достаток, идут в солдаты? Вот от этого-то и получается, что три югера земли дороже человеку, чем победа. Оттого-то при наборах крестьяне и стараются увернуться от службы! Кроме того, теперь и крестьян-то с каждым днем делается все меньше. Вот этот глупец грустит о своих трех югерах! А, может быть, тем временем какой-нибудь Опимий или Лентул прогнал его семью и присоединил эти три югера к своим поместьям. И придется ему идти в город – проситься в клиенты. Беднеют крестьяне. От-

того-то с каждой войной делается все труднее производить набор войска.

Вот если бы его, Мария, выбрали в консулы, он брал бы в войско пролетариев. Сколько их ходит, голодных и рваных, по улицам Рима, ища дешевой работы или дожидаясь раздачи казенной муки. Отчего их не взять на войну? Ничто их не потянет домой с войны: веселее жить в лагере, чем в подвале, в каком-нибудь вонючем переулке Рима, дрожа за то, что и из подвала-то хозяин выгонит за неуплату квартирных денег. Конечно, пролетарии будут охотно служить до самой старости.

Но как содержать такое войско? Что может взять с собой на войну пролетарий, который по бедности подчас спит под городским мостом или аркадами водопровода?

На Мария нашло сомнение. Но ненадолго. А военная добыча? До сих пор ее везли в Рим, и только небольшая часть попадала в руки солдат. Отчего бы не раздавать ее войску пощеднее? Тогда солдаты будут знать, что война дает богатство, какого не видать им на улицах Рима или в их деревушках. Государство даст солдатам средство на первое обзаведение оружием. А на войне войско само себя прокормит. Раненым и состарившимся пусть отведут земли – если не в Италии, то хоть в провинциях. Все это очень просто!

Марий не мог заснуть. Чем яснее рисовались ему картины нового войска, тем больше волновался он. Ему стало невозможно лежать. Он снова вышел из палатки и побрел по лагерю,

разговаривая сам с собой. Из-за ствола пальмы глядела на лагерь луна. Случайно Марий подошел к палатке консула и увидел свет сквозь полотно ее.

«Кто сказал, что я не могу быть консулом»? – почти закричал он и вдруг решительно направился к консульской палатке.

У входа в нее дремал солдат.

«Консул спит?» – спросил Марий.

«Нет. Раньше третьей стражи никогда он не гасит огня».

Марий отдернул завесу и вошел в палатку. Дух заморских благовоний так и обдал его. Мигая, горел светильник, и при свете его причудливо переливались золото и серебро стоящих дорогих сосудов. Метелл небрежно расположившись на ложе, покрытом леопардовой шкурой, опирался локтем на узорчатую подушку. В руках у него был книжный свиток. Он поднял вопросительно голову и неохотно отложил книгу.

«Консул! Прошу тебя, отпусти меня... в Рим... там скоро будут выборы...» – сказал глухим голосом Марий.

Метелл удивленно поднял брови:

«Ты хочешь быть консулом?»

«Да, я выступлю кандидатом на выборах».

Метелл оглядел его с ног до головы, глаза его чуть-чуть улыбались. Он видно не знал, что сказать. Помолчав, он заметил:

«Я бы посоветовал тебе подумать сначала. В твоём роду нет ни одного консула. Довольно того, что ты достиг претуры

и стал легатом. Неблагодарно добиваться того, в чем тебе откажут на основании закона».

Снисходительный тон Метелла раздражал Мария.

– Где такой закон, – стараясь сдержаться себя, ответил Марий, – который воспрещал бы выбирать в консулы не нобилей? Такого закона нет. Я человек необразованный, в греческих писаниях не начитан, но я знаю наши римские предания. Я слышал, что по старинному закону Лицинии один из консулов должен выбираться из плебеев. Если римский народ следует обычаю – выбирать одних знатных нобилей, это его ошибка, а не закон.

– А если так (в голосе Метелла зазвучало неудовольствие), то не спеши по крайней мере. Тебе своевременно будет искать консульства вместе с моим сыном.

Марий весь вскипел: сын Метелла едва достиг двадцатилетнего возраста. И с этим-то мальчишкой консул равняет его, старого солдата! Со злостью глядел он на насмешливое лицо консула и молчал: обиднее всего было то, что он не находил, что ответить Метеллу.

– Желаю тебе спокойного сна! – вежливо, но язвительно заметил консул, слегка поклоняясь. – Я устал и хочу спать.

Марий грузно переступил с ноги на ногу, но ничего не ответил и неловкими шагами вышел из палатки.

Тем не менее два месяца спустя Марий сажился на корабль, отплывавший от берегов Африки в Рим: он ехал на консульские выборы.

Отказ Метелла не подействовал на него. Чуть не каждый день после того Марий являлся к Метеллу и просил отпуска. Метелл то сдержанно отказывал, то сердился, то отмалчивался. Но Марий упрямо стоял на своем. Его ободряли письма из Рима от знакомых всадников. Всадники писали, что народ в Риме страшно негодует на сенаторов и громко говорит на площади: пока Марий не будет командовать войском – война не кончится. Марий сам писал письма в Рим, осыпая в них Метелла градом упреков, обвинений и несдержанной брани. Нередко бродил он по лагерю, вступал в беседы с солдатами, напоминал им о своих заслугах, о своем незнатном происхождении и клялся, что если бы не Метелл, война давно бы кончилась и Югурта был бы уже в Риме в цепях. И если он слышал от солдат что-нибудь неодобрительное о Метелле, сердце его радостно вздрагивало. А потом снова шел он к Метеллу и снова получал отказ. Наконец, когда оставалось до выборов всего двенадцать дней, Метелл отпустил его.

Надо было торопиться. Наскоро собравшись, тронулся он в путь в сопровождении одного раба. Два дня ехал он через пески пустыни и оазисы и к ночи второго дня был в примор-

ском городе Утике. А на следующее утро, едва поспевши посетить гаруспика и принести жертву богам, он уже отплывал в Италию. Внутренности жертвы, по словам жреца, предсказывали ему удачу.

«Сюда я вернусь консулом и, клянусь копьем Марса, Югурта будет мой пленник!» – думал он, глядя с палубы на удаляющийся берег Африки.

В Риме он застал точно кипящий котел. Каждый день собирались сходки на форуме, и ораторы, не стесняясь, поносили сенат. Сенаторы избегали показываться на улице иначе как окруженные рабами и клиентами... Марий в белой одежде кандидата ходил по форуму, пожимал руки ремесленникам и пролетариям, стараясь каждому сказать что-нибудь дурное про сенаторов. А вечерами он сидел среди богатых всадников, толкуя с ними, как вырвать власть из рук продажной знати. Всадники клялись, что не пожалеют денег, лишь бы провести его в консулы. Один народный трибун однажды представил Мариа народной сходке, и Марий два часа говорил перед бурлящей толпой, не жалея Метелла и клянясь всеми богами, что приведет Югурту в оковах в Рим, если только дадут ему консульство. Толпа бешено рукоплескала, и Марий проникался надеждой.

Наступил день выборов. Марий знал, что много тысяч се-стерциев уже роздано членам разных центурий. Но трудно тягаться незнатному человеку с нобилиями! Весь день с восхода солнца Марий стоял на площади, в тесной толпе. Беско-

вечной вереницей тянулись граждане, выстроившись по центуриям, к избирательным урнам. Марий то загорался верой в свое счастье, то падал духом. Но счастье не обмануло его. Кончились подсчеты голосов. Председательствующий возгласил имена новых консулов. Первым из них было – «Гай Марий». Усталая, разморенная ожиданием, толпа очнулась, всколыхнулась и с восторгом зааплодировала. Стоявшие поближе передавали имя избранника тем, кто стоял подальше и не слышал, и задние ряды в свой черед поднимали гром рукоплесканий. Марий видел, как нобили уходили с площади с искривленными от злобы лицами. А рукоплескания все росли, перекатывались волной, приветствуя народного консула.

Народ торжествовал. Сенаторы были подавлены. Когда поднялась речь о том, кто будет командовать в Нумидии, – Нумидию предоставили Марию. Хотя незадолго до того и было постановлено продлить срок командования Метелла, но теперь прежнее постановление отменили. Марий готовился к походу и начал производить новый набор войска. Сенаторы надеялись, что, быть может, народ от этого к нему охладет: народ ведь издавна ненавидел рекрутские наборы. Но они ошиблись: не только ремесленники и лавочники, но даже крестьяне охотно записывались в войско. Все были уверены, что, если только Марий будет командовать, война кончится блистательно, и всякому будет возможно снискать и добычу и славу. Сам Марий выступал на форуме на сходках, держал речь к народу и убеждал смело идти в поход.

— Граждане! — гремел он перед народом, потрясая руками. — Вы постановили, чтобы я вел войну с Югуртой, а знатные сердятся на это. Вот и подумайте, не переменить ли вам свое решение, не послать ли на войну кого-нибудь из людей древнего рода, который имел бы множество предков, сидевших на курульных креслах, а сам никогда не служил на военной службе. Одного из тех, которые, когда их выберут в консулы, начинают читать и деяния предков и военные учебники греков: глупые люди! Теперь сравните с ними меня, нового человека. Чему они выучились по книгам — я выучился на войне. Они презирают меня за то, что я незнатен, а я презираю их за их неспособность. По-моему, кто храбрее всех, тот и самый благородный. Они думают стать славнее, вспоминая подвиги предков! Я, конечно, не могу сослаться на консульства и триумфы моих предков, но я могу показать копья, знамена и раны на моей груди. Вот мои предки, вот моя знатность, не полученная по наследству, а та, которую я снискал трудами и опасностями. Я не учился греческой науке, но я научился поражать врага, терпеть стужу и зной, спать на земле. Я не буду, как аристократы, содержать солдат скупно, а сам жить в роскоши. Я в походе буду вам товарищем. От вас я потребую того же, чего требую и от себя. И с помощью богов мы добьемся всего: победы, добычи, славы!

Такими речами он подымал дух народа. Между тем спешно грузились корабли, велась запись новых солдат. Вопреки старым обычаям, Марий охотно записывал неимущих про-

летариев: то, что обдумывал он в африканской пустыне; теперь применял на деле. И много их, голодных и оборванных, шли искать счастья под военными орлами.

3

Марий снова в Африке. Обиженный Метелл спешно сложил команду и уехал, не желая и видаться с новым консулом. Марий с жаром принялся за дело. Он восстановил дисциплину и порядок в войске. В свободное от походов и битв время производил военные упражнения солдатам или заставлял их копать рвы, насыпать валы для лагерей, чтобы они не оставались праздными. Солдаты без ропота переносили все тягости: новый «народный» консул, вышедший сам из солдат и сохранивший солдатские привычки, производил на них сильное впечатление. Кроме того – взятые города он отдавал им на разграбление, а ради такой награды можно было потерпеть. Надежды Мария оправдались: бывшие пролетарии скоро забыли свою родину, где они покинули сырые подвалы и лохмотья. На Мария они кладут теперь все свое упование и готовы идти за ним куда угодно. Югурта был окончательно разбит. Он с отчаяния скрылся во владениях своего тестя – соседнего царька Бокха, тоже принимавшего участие в войне с Римом. Но вероломный африканский царик задумал купить себе прощение от Рима, выдав Югурту.

Однажды к Марию явились послы Бокха и от имени царя

просили прислать двух самых верных людей – поговорить о том, что полезно ему и римскому народу. «Царь, видно, не знает еще сам, как поступить, – подумал Марий, – нужно его сразу и запугать, и прельстить обещанием дружбы Рима. Тогда он выдаст Югурту. Но для этого нужен человек, умеющий красноречиво говорить и держать себя с достоинством. Лучше всего выбрать из аристократов».

Такой человек был налицо: квестор Люций Корнелий Сулла.

Многое в нем не нравилось Марию: не нравились его утонченные манеры, его любовь к удовольствиям. Марий знал, что юность свою он провел среди фокусников, бродячих музыкантов, в игорных притонах и кабачках. Самое лицо его – матово-бледное, с прыщами, присыпанными пудрой, и особенно его холодные, загадочно глядевшие голубые глаза – внушали Марию недоверие. Но, как ни странно это, Сулла оказался прекрасным солдатом – исполнительным, рассудительным и храбрым. Человек, до сорока лет не интересовавшийся ни военными, ни государственными делами, ныне в первый раз для лагеря покинувший свои попойки и свитки греческих книг, сразу делается едва ли не лучшим солдатом! Видно, боги дали Сулле большие таланты! Кого же и посылать к Бокху, как не того, к кому боги милостивы?

Он позвал Суллу, и тот охотно взялся исполнить поручение. Начались переговоры. Царь дружелюбно встретил Суллу, но сразу ему ничего не ответил определенного, а отпра-

вил послов в Рим. А когда вернулись послы, он снова просил Мария прислать ему Суллу. С небольшим числом солдат отправился Сулла к царю.

Некоторое время о нем не было слухов. Все думали уже, что Бокх выдал Суллу Югурте. Действительно, царь долгое время не знал, кого кому выдать: Югурту ли Сулле, или Сулле Югурте. Он обнадеживал каждого из них, помногу раз в день менял свое решение, пока наконец страх перед римскими мечами не взял своего. Сулла вернулся в римский лагерь вместе со связанным Югуртой...

Наступил день триумфа Мария. Таких пышных триумфов давно не видели в Риме. Главным украшением – среди массы золота, слоновой кости и оружия – был сам Югурта, идущий в цепях перед колесницей Мария. Но Марий недоволен и угрюм. Он знает, что там, среди бесконечно шествующих рядов победного войска, идет квестор Сулла, и на руке у него большой перстень, с изображением сцены, как Бокх передает Сулле связанного Югурту. Он знает, какие слухи и толки пускают по городу нобили: первым разбил Югурту – толкуют они – нобиль Метелл, и в плен взял нобиль Сулла; значит, им, а не Марию, честь и слава.

4

Прошло семнадцать лет с окончания Югуртинской войны. Немало событий разыгралось за это время. С севера ворва-

лись в Италию дикие кимвры и тевтоны. Вместе со стадами и со всем домашним скарбом, — даже мельничные жернова везли они на телегах — как лавина, нахлынули они на римские поля и селения. При первых встречах римские воины в страхе разбежались перед этими беловолосыми варварами, один дикий вопль которых и коровьи рога в волосах внушали ужас. Но против них послан был Марий, и дело переменялось. В двух битвах погибла большая часть варваров, а тысячи их Марий привел в Рим пленниками. После этого Мария еще пять раз выбирали консулом. Многие аристократы заискивали перед ним.

Потом пронеслась над Римом буря гражданской войны, когда Апулей Сатурнин хотел напомнить сенаторам времена братьев Гракхов и, подобно им, погиб, защищая простой народ. А дальше — разразилась война с союзниками, когда самниты, сабиняне и другие италийцы восстали на Рим, и вся Италия распалась на две враждующие стороны.

Марий все время принимал участие и в войнах и в гражданской жизни. Но годы брали свое. Он дряхлел, страдал ревматизмом. В Союзническую войну ему уже трудно было командовать войском. И он с раздражением видел, как растет, рядом с его славой, слава Суллы. Не он, а Сулла явился победителем союзников, и не одни только аристократы прославляли Суллу. Солдаты, на вербованные Суллой, по примеру его, Мария, из пролетариев, боготворили своего щедрого вождя-аристократа. Зависть и злоба мучили Мария.

Однажды весь Рим был потрясен страшной вестью: восемьдесят тысяч римских граждан – купцов, откупщиков, писцов, служителей и других лиц, отправившихся искать наживы в Грецию и Малую Азию, – были перебиты в один день по приказу понтийского царя Митридата. Царь поклялся, что освободит и свое царство и соседнюю Грецию от этой нахлынувшей туда толпы, сосущей деньги под охраной имени римского народа. Он назначил день гибели всех римлян, находящихся в его стране, и приказ его с радостью был исполнен. Греция восстала и присоединилась к понтийскому царю.

Плач, рыдание и вопли понеслись по всему Риму. Одни оплакивали родных и друзей, другие кричали о мести за неслыханное оскорбление римскому народу. Больше всех волновались всадники: почти у каждого из них капиталы были вложены в откупное дело в Греции либо в торговые обороты в Понтийском царстве. На бурном народном собрании объявлена была война понтийскому царю. Оставалось решить, кто будет полководцем.

Консулами этого года были Сулла и Помпей. Оттого многие говорили, что Суллу надо послать против Митридата.

Этого Марий не мог снести. Он снова стал появляться на площади. Несмотря на свои шестьдесят шесть лет и свой ревматизм, он вместе с юношами упражнялся в гимнастике и беге, желая показать, что старость не мешает ему быть прежним солдатом. Мысль, что другой получит победные лавры,

а он будет лишь доживать свой век, была ему невыносима.

Но полководцем избрали Суллу. Марий решил не уступать. Он воспользовался тем, что снова простой народ заволновался против сената, что всадники не хотели упускать из своих рук провинции и злобились на аристократа Суллу. Он вступил в соглашение с недовольными. Страшные бури разыгрались на форуме. Противные партии дрались дубинами во время народных собраний. Было убито несколько nobilium. Народная партия одолела. Среди прочих решений народ постановил, что не Сулла, но Марий будет командовать в Понтийской войне.

5

Войско, назначенное в поход, стояло лагерем близ городка Нолы. Солдаты давно уже с нетерпением ждали похода. Но почему-то поход откладывали. Прибыл из Рима сам консул – Корнелий Сулла. Но он был мрачен и чем-то озабочен. Сначала он часто ходил по лагерю, заговаривал с солдатами, объяснял им, какую богатую добычу они могут обрести в этой войне, видимо, готовился к походу. Но вдруг все приготовления прервались, и Сулла перестал выходить из своей палатки. Дошли слухи, что в Риме идет жестокая борьба партий.

Однажды раздались звуки труб, сзывающие солдат на сходку. Солдаты тесным кольцом столпились в круг. Ждали

полководца.

Сулла вышел из своей палатки. Он был еще бледнее, чем всегда, голова у него была опущена, а губы улыбались насмешливой улыбкой. Вставь в середину круга, он поднял руку. Все стихло.

– Солдаты! – сказал полководец грустным тоном. – Волею римского народа я больше не начальник вам. Сенат и римский народ поручают Марию вести войну с Митридатом. Присланы военные трибуны Мария, которым поручено лишить меня командования вами!

Солдаты в недоумении переглядывались. Они не верили. Каждый думал: что же будет теперь? Марий не возьмет их с собой в Азию. Не он их набирал. Он им ничего не обещал. У него есть свои легионы, их-то он и поведет, а сулланцев, наверное, пошлет по домам.

Между тем полководец продолжал говорить, и голос его становился все грустнее. Он говорил, что ничем не заслужил такой обиды от римского народа, что его ненавидит Марий, но ненавидит несправедливо. Солдаты угрюмо переминались с ноги на ногу. Они чувствовали, что добыча, на которую они так надеялись, уходит из их рук. Не они, а марианцы вернутся домой, отягощенные золотом. Не они пойдут перед колесницей триумфатора. От изумления они стали переходить к ярости. Кто-то крикнул: «Веди нас в Рим! Мы сами пойдём на форум и там мечом предпишем законы». Другие подхватили. «В Рим! В Рим!» – ревела вся толпа, потрясая

мечами.

Сулла загадочно улыбнулся. «Солдаты! Вы требуете невозможного», — сказал он и, властным жестом руки раздвинув ряды солдат, пошел к своей палатке. Он шел с поникшей головой, но светло-голубые глаза его горели загадочным блеском. Солдат охватило исступление. Они не слушали военных трибунов, тщетно взывавших к порядку. Беспорядочной толпой, как дикие звери, у которых вырвали добычу, бросились они к палатке вождя, звали его, кричали, что не дадут никому оскорблять его. Сулла к ним так и не вышел. Но в руки их попались посланники Мария — два военных трибуна. С воплями и криками кинулись на них солдаты и, несмотря на все усилия офицеров спасти их, тут же в нескольких шагах от палатки Суллы побили их камнями.

Весь день стояло страшное возбуждение. Солдаты собирались группами, толковали, обсуждали. Они выбрали нескольких уполномоченных, которые и передали Сулле, что никогда солдаты не признают начальником Мария. Сулла выслушал, но ничего не ответил. На следующие дни возбуждение все усиливалось. Солдаты требовали, чтобы Сулла их вел на Рим. Сулла, наконец, дал приказ тронуться в путь: он сказал, что подойдет поближе к Риму, чтобы вступить в переговоры с марианцами. Но солдаты понимали, что у него на душе. С веселыми песнями и криками о мести двинулись они в путь. Все офицеры, кроме одного квестора, покинули их, напугавшись похода на родной город. Солдаты выбрали

им заместителей из своей среды и шли в полном порядке, под звуки труб, с высоко поднятыми знаменами, как привыкли вступать в бой.

На пути они встретили посольство. Два претора, окруженные ликторами, явились от имени сената к Сулле с воспрещением продолжать шествие на Рим. Солдат охватило бешенство. Они кинулись на магистратов, сорвали с них тоги с красной каймой, изломали фасцы и с позором выгнали. Сулла продолжал путь. Вблизи Рима он остановился. Некоторое время помедлил, но скоро увидел, что на солдат он может вполне положиться. Он рассказал друзьям, что видел во сне богиню Беллону, которая вручила ему молнии; он метал молнии в своих врагов, и они падали один за другим. Солдатам дан был приказ готовиться к бою.

Поздно вечером, с поднятыми знаменами, под звуки боевых труб, вступило войско в столицу. Городские ворота были заняты без боя. Но, когда вступили в тесные улицы, началась жестокая резня. Со всех крыш в солдат летели черепицы и камни. Жители чем попало загораживали улицы и бились за каждый шаг. Сулла с зажженным факелом скакал на коне перед солдатами, крича, чтобы зажигали дома. Солдаты, взобравшись на крышу ближайших домов, кидали горящие стрелы вокруг, и вскоре кругом уже бушевало море огня. Женщины, дети, старики с воплями и криками бежали по улицам, бросив свои горящие дома. Солдаты кидали в них копья, пускали стрелы. Между тем у Эсквилинского

холма бился с врагами Марий, окруженный родственниками, друзьями и несколькими когортами солдат. Это уже не было уличное восстание или мятеж. С обеих сторон виднелись знамена с римскими орлами, звучали сигналы военных труб. Правильным строем бились солдаты и Мария и Суллы. Два римских войска стояли друг против друга, защищая своих вождей.

Видя, что солдаты отступают, Сулла вырывает знамя у знаменосца и кидается вперед. Солдаты его собираются с духом и снова наступают. Тем временем Сулла посылает приказ запасному отряду идти в обход марианцев. Марианцы отступают. Возле храма Теллуры Марий последний раз пытается сопротивляться. Он приказывает сзывать рабов, обещая свободу каждому примкнувшему к нему рабу. Но войска его редеют. Наконец, видя, что все погибло, он бросается в бегство.

На рассвете на площади, заваленной трупами, облитой кровью, под охраной сулланских легионов собрались граждане на народное собрание. Они с трепетом выслушивали речи Суллы и покорно постановляли все, что приказывал победитель. За голову Мария назначена была большая денежная сумма.

6

В приморском городке Минтурнах царила тревога. Каж-

дый день приходили новые вести из Рима, и сердца горожан, привыкших к покойной жизни, наполнялись ужасом при слухах о братоубийственной войне. Но особенно пугали всех отряды конных воинов, которые то и дело появлялись у морского берега. Они что-то искали: заглядывали в рыбацкие хижины, расспрашивали встречных о том, какие прохожие проходили через город. А потом пускали коней в галоп и скрывались. Пошел слух, что это ищут Мария. Говорили, что он бежал из Рима на корабле, но корабль прибило бурей к берегу, и он теперь бродит где-то в лесах и болотах.

У колодца под тенью платана собралась небольшая толпа. Горожанин, только что вернувшийся из деревни, рассказывал соседям последние вести. Сейчас же вокруг стали собираться новые слушатели: остановились женщины, с амфорами на плечах шедшие за водой, подбежали черные от загара, полуголые мальчишки, лавочники бросили от любопытства свои прилавки и тоже втерлись в толпу.

– Я сбился с дороги, – говорил рассказчик, – и среди леса и дикого кустарника встретил пастухов. Они клялись, что видели своими глазами Мария. Он был голоден и просил у них поесть. Но они поскорее прогнали его от себя, боясь солдат Суллы.

В толпе вздыхали. Многие вслух жалели Мария, вспоминая Югуртинскую войну, победы под кимврами и тевтонами. Старый нищий, весь оборванный и измазанный илом и болотной тиной, с почерневшим лицом и окровавленными

ногами, подошел к толпе, послушал и заковылял прочь по камням улицы.

– Гай Марий! – вдруг закричала одна женщина.

Старик остановился.

– Да, я Гай Марий! Без меня все вы были бы рабами тевтонов и кимвров. А теперь... – Голос его задрожал.

Женщина взяла его за руку и, под удивленными взглядами толпы, повела его. Он молча ковылял за ней, припадая на стертую ногу, на которой запеклась кровь. Женщина подвела его к небольшому дому, у ворот которого прыгал и визжал молодой осел, ввела во двор и поплотнее затворила дверь.

– Я узнала тебя! – говорила она, усаживая старика и наливая воды в сосуд. – Я тебя давно когда-то видела. Ты был консулом и судил меня... я судилась с моим мужем, который бросил меня. Ты обоим нам велел заплатить штраф. Но пусть никто не скажет, что я за четыре асса штрафа предала Гая Мария. Отдохни у меня.

Она позвала мальчика-раба, велела ему омыть и перевязать ноги Марию, а сама ставила на стол разные кушанья и, пока Марий жадно ел, не переставая говорила то о себе, то о нем, о Марии. Говорила, что сулланцы уже искали его по берегу моря и что едва ли удастся скрыться от них.

– Нет, женщина! Ты ошиблась, – мрачно сказал Марий, отодвигая опустошенное блюдо. – Боги не для того предсказали Марию семь консульств, чтобы дать сулланцам теперь же погубить его. Я не грек и не знатный нобиль, поэтому я

верю в богов. Слушай: когда я еще мальчишкой жил в деревне, я нашел на скале орлиное гнездо. В нем было семь орлят. Ты понимаешь? Обычно ведь орлица не несет больше трех яиц. Из них только два она высидит. А из птенцов только один выживает и делается орлом. А там было семь орлят! Я принес гнездо отцу. Тот позвал старого прорицателя, и великий старик предрек мне, что я семь раз буду консулом. Я был консулом уже шесть раз. Теперь я не умру, пока еще раз не возьму в руки власть. Боги мне благоприятствуют. Когда я входил в твой дом, навстречу выбежал осленок. Он взглянул на меня и радостно заревел и запрыгал. А потом побежал пить воду к колодцу. Это боги послали мне знамение, чтобы я не падал духом!

Портрет пожилой римлянки

Кто-то постучал в дверь. Хозяйка вышла и через минуту вбежала назад и испуганно шепнула Марию, что пришли члены городского совета. Два пожилых гражданина вошли в дверь.

– Ты Гай Марий? – спросил один из них.

Марий только взглянул мрачно и промолчал.

– Что заставило тебя прийти в наш город? Ведь ты вне закона. Из Рима уже нам было предписано консулами убить тебя или отослать в Рим, если ты зайдешь к нам. Скорее уходи, или нам придется исполнить приказ.

Марий взглянул в окно. Там виднелись городские ворота, а за ними – каменная дорога. Ноги его болели и были тяжелы, как камень. Нечего было и думать о дальнейшем бегстве. Нет, он не пойдет!

– Гай Марий не умрет, пока не увидит седьмой раз консульского кресла, – упрямо сказал он и лег на ложе. Представители города помялись и вышли.

– Запри, Фанния, дверь. Я хочу спать, – сказал Марий.

Сон его был тяжел и мутен. То он видел себя умирающим в африканской пустыне, то ему казалось, будто он едет на колеснице, а Сулла преграждает ему путь...

Но вот он проснулся. Луна играла лучами на каменном полу. За дверью кричала хозяйка и слышны были чьи-то тяжелые шаги. Раздался удар в дверь. «Марий, берегись!» – дико крикнула хозяйка, и послышалось, как отпирают дверь.

Могильный холод прошел по его костям. Ужас смерти

охватил его всего. Он все понял: это городские власти решили убить его и прислали за его жизнью... Конец всему!..

И вдруг кровь прилила к его голове; ужас сменился досадой, хотелось смеяться горьким смехом: кто входил в дверь, чтобы покончить с Гаем Марий? Варвар, должно быть галл, с длинными волосами, козлиной бородой и, по галльскому обычаю, в длинных кожаных штанах, которые всегда придают галлам такой нелепый вид! Очевидно, никто из римских граждан не смеет поднять руку на героя, вот и прислали этого глупого, козлинобородого варвара. Так от него-то умрет Гай Марий? Нет, это вздор! Это вышло бы слишком нелепо!

Но варвар направлялся к нему с мечом.

Марий дико захохотал и крикнул, засверкав глазами:

– Варвар! И ты осмелишься убить Гая Мария?

Варвар так и присел на месте. Взглянул Марию в лицо. И вдруг кинул меч и с воплем бросился бежать.

Марий в изнеможении сел на постель. Его охватила слабость, через минуту он уже спал как мертвый.

Он проснулся поздно. Сон освежил его. Он с трудом понимал, было ли во сне или в действительности то, что он пережил ночью. К нему явилось несколько минутурнских горожан. Они были любезны с ним, но заклинали именем богов уйти и не навлекать на их городок гнева Суллы. Он не протестовал. Надев предложенную ему новую одежду, взяв горсть золотых монет и закусив на дорогу, он тронулся в путь. Горожане проводили его до границы городских владений. Про-

стясь с ними у какого-то храма, он побрел один, стараясь идти к югу. После сна он чувствовал себя бодро. Фляга с вином и большая сума с хлебом и сушеными плодами давали уверенность, что сегодня и завтра он голодать не будет. Иногда он останавливался и отдыхал.

Когда солнце уже приближалось к закату, до ушей его донесся конский топот. Он оглянулся: в соседней горке была как будто пещера. Он бросился туда и прикрыл отверстие древесными ветвями. А топот приближался. Показались вдали всадники. Да, конечно, они его ищут: они остановились, шарят копьями в кустах. Ему стало страшно. Он взглянул в другую сторону. Там о берег бешено плескались волны. Старый рыбак привязывал лодку, боясь, чтобы буря не унесла ее. Мария вдруг осенила мысль. Он бросился бежать к морю. Схватил рыбака за руку.

– Я Гай Марий. Ты должен меня спасти!

Рыбак с ужасом глядел на него. Сзади скакали всадники.

– Дай лодку!

– Но ты видишь, какая буря?

– Лучше буря, чем Сулла! – Марий прыгнул в лодку, перерезал мечом канат, и волны понесли его от берега. Марий поднял парус. Лодку так и рвануло и понесло в открытое море. Соленая пена окатывала его.

– Лучше буря, чем Сулла! – твердил Марий.

Как только Сулла ушел из Рима на войну с Митридатом, марианцы снова заволновались. Выбранный консулом после конца консульства Суллы Цинна сразу показал себя врагом Суллы. Другой консул – из сулланцев – выгнал его из города. Цинна отправился по недавно усмиренным городам союзников, сзывая их на борьбу. Враги сенатского правления собирались вокруг него. Цинна разыскал Мария. Марий вместе с сыном плавал на корабле по Средиземному морю, ища пристанища по берегам Африки.

Скоро сенат получил страшную весть. Марий и Цинна идут на Рим. Рим был беззащитен. Отправили послов к Цинне добиться обещания, что по крайней мере кровопролития не будет. Послы принесли неутешительные вести. Цинна отказался принести клятву и только уклончиво заметил, что умышленно никого не предаст казни. Зато – говорили послы – Марий за все время переговоров молчал с таким страшным видом, что судьба Рима делалась ясной: много прольется крови, если Марий вступит в Рим.

Город сдался без боя. Сейчас же начался грабеж. Убит был консул Октавий, и голова его была выставлена на форуме на рострах². В следующие дни рядом с ней появлялись но-

² Ростра – кафедра для ораторов на римском форуме.

вые головы сенаторов. Семья Суллы еле спаслась бегством. Иные сенаторы, не видя спасения, вскрыли себе жилы. Бывшие рабы, освобожденные Марием, открыто убивали на улице сулланцев. Имущество их было конфисковано. Однажды на улице Марий встретил одного сенатора и не поклонился ему. Тотчас же несколько солдат, сочтя это за знак, тут же на улице убили сенатора. Наступил день консульских выборов. Выбраны были Цинна и Марий.

Итак, желание Мария исполнилось. Он был седьмой раз консулом. Но он не знал покоя. Страшные мысли мучили его. Здесь, в Риме, он насытил свою жажду мести. Но там за морем Сулла командует армией. Что будет дальше, когда Сулла победит Митридата? Все ужасы изгнания, скитания по болотам и морям вставали в памяти старика. А что если опять придется искать спасения в бегстве? Одна мысль об этом приводила его в ужас. Вместе с тем гордость его никак не могла примириться с мыслью, что не он победит Митридата.

Вывать бы из рук Суллы команду, победить царя самому и вновь вернуться триумфатором в Рим, чтобы не было ни одного вождя, могущего помериться славой с ним, Гаем Марием! А вместе с тем разум шептал ему: «Придет Сулла во главе победной армии, и ты не сможешь даже понадеяться на жителей Рима, которые только из страха покоряются тебе». Мысли эти ни днем ни ночью не оставляли его. Длинные, мучительные, бессонные ночи измучили его. Ес-

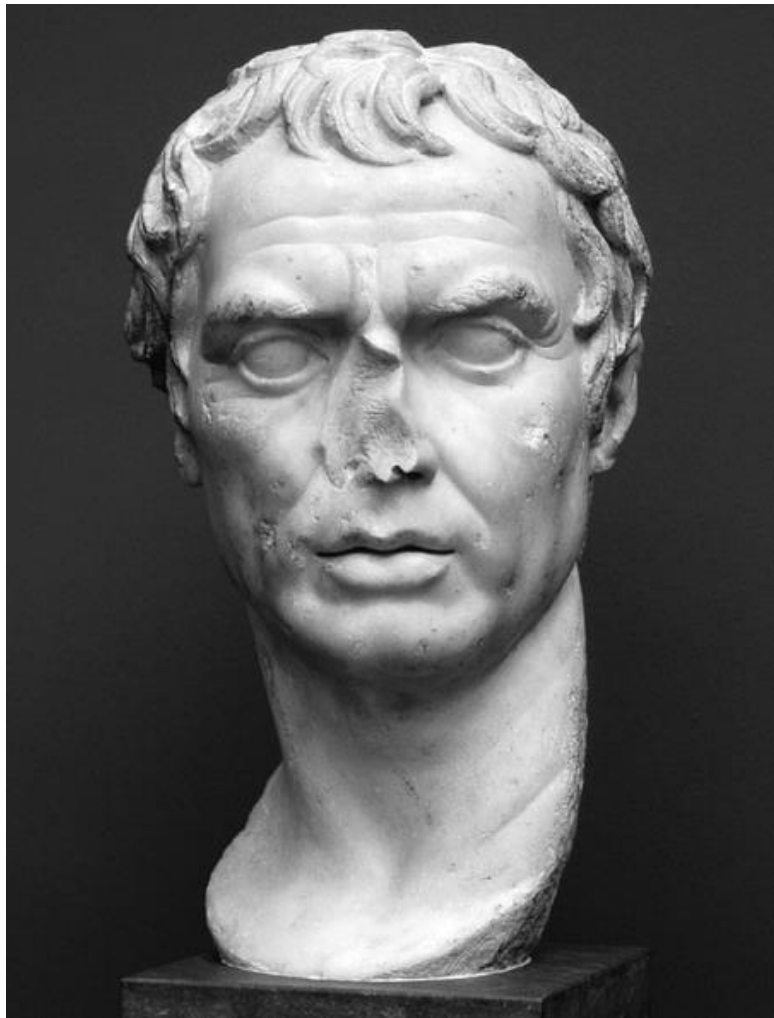
ли ему удавалось заснуть, он видел во сне жертвы своей мести, и вид мертвецов снова пробуждал его. Вся жизнь казалась ему сплошной неудачей. Тот, кто семь раз был избран консулом, слезно жаловался среди друзей, что жизнь обманула его. Оставалось одно утешение – в вине. Каждую ночь он ставил рядом со своим ложем сосуд вина и, когда начиналась бессонница, тянул понемногу вино, пока тяжелый дурман не заволакивал его голову. Но и сквозь туман винных паров порой мелькали то призраки убитых, то живые враги. Однажды, простудившись слегка, он почувствовал боль в груди и слег в постель. С каждым днем ему становилось хуже. Жар и озноб трепали его. В бреду он громко кричал, размахивал руками и бился на постели. По отдельным словам, долетавшим до окружающих его, видно было, что он грезит войной и командует армией против Митридата. Через семь дней он умер.

II. «Счастливым»

1

Сулла возлежал в своей палатке и с наслаждением вкушал вечерний покой после долгого дня, полного забот и волнений. С раннего утра он объезжал сегодня стены осажденных Афин, указывал солдатам, где ставить осадные машины, сам пробовал действие машин, измерял глазами высоту стен и башен. Порой он подъезжал так близко, что слышал, как со стен насмехались над ним и как ругали его и его жену. Иногда мимо него летели камни и стрелы. Один из его спутников был ранен. Но он невозмутимо продолжал свое. Он твердо решил, что на этих днях он во что бы то ни стало возьмет наконец Афины приступом. Долгая осада уже надоела ему, тем более что он знал, как ненавидят афиняне своего тирана Аристиона – друга Митридата. Знал он, что в Афинах голод: жители едят сорную траву и подошвы своих сандалий, между тем как у тирана всяких припасов изобилие; каждую ночь он задает пиры, устраивает попойки, пляски, игры, пока к утру не падает от вина без чувств. Обо всем этом он был осведомлен от лазутчиков, и это давало ему уверенность, что славный, древний город, где когда-то расцветала свобода, а ныне зверствует распутный тиран, скоро будет в его руках.

Сулла велел откинуть завесу своей палатки, так как вид розового заката, играющего на белораморных храмах и портиках Акрополя, ласкал его глаза. В воздухе чувствовалась вечерняя прохлада. Ложе Суллы было мягко и удобно, прекрасно было холодное, искристое вино в дорогой золотой чаше, которую Сулла временами подносил к губам, между тем как стройный и гибкий мальчик, прекрасный, как Ганимед, читал ему вслух греческие стихи с большого книжного свитка. По суставам Суллы разливалась сладкая истома. Кто-то подошел к палатке. Сулла по шагам узнал своего писца и неохотно повернул голову в его сторону. – «Полководец, – доложил секретарь с поклоном, – тебе необходимо выслушать двух людей по важным делам».

Сулла

Сулла лениво кивнул. Явился военный трибун, которому он поручил ставить осадные машины.

– Великий, богами любимый полководец! Не хватает лесу для машин. Зажигательные стрелы врагов сожгли уже несколько наших сооружений.

Сулла нетерпеливо оглянулся вокруг и молча указал рукой в сторону, на зеленеющую вдали рощу.

– Но, полководец! Ведь это же сады Академии. Мы знаем все твою любовь к греческой мудрости. Оттого мы не рисковали рубить деревья, под которыми учили Платон и Аристотель, любимые твои писатели.

Сулла только пожал плечом и отвернулся. Военный трибун все понял и с поклоном удалился.

Подошел вестник и, кланяясь, вручил Сулле письмо.

– А, это от Кафида, которого я отправил привезти сокровища Дельфийского храма. Интересно знать, сколько сокровищ он принял.

Сулла передал письмо секретарю и велел читать. После обычных приветствий Кафид писал, что пока не имел возможности исполнить поручение: амфикионы протестуют, напоминают о Тите Фламинине и Эмилии Павле, которые, сражаясь с македонянами, никогда не грабили храмов. Кроме того, писал он, видно, сам бог гневается на попытку увезти сокровища: из святилища ночью слышался звук кифары. Сулла засмеялся.

– Напиши сейчас же ответ Кафиду, – сказал он секретарю, – и передай в письме мое удивление, как это Кафид не понимает, что на кифаре играет не тот, кто сердит, а тот, кто весел. Значит, бог мне охотно разрешает брать то, что необходимо для пользы римского народа. Когда напишешь, дай мне подписать.

Сулла снова откинулся на своем ложе и велел мальчику читать. Но скоро опять его потревожили: какой-то солдат из отряда, посланного рубить деревья для машин, просил доступа к вождю. Он принес толстый, пыльный книжный свиток.

– Славный, блаженный полководец! Меня прислал военный трибун передать тебе эту книгу, которую мы нашли в Академии. Я не знаю, что это. Но трибун говорит, что тебе это будет приятно.

Сулла взял книжный свиток, медленно развернул и долго внимательно смотрел. Вдруг глаза его блеснули радостью. Сняв с пальца одно из золотых колец с синим камнем, он протянул его солдату:

– Возьми, – сказал он, – за то, что ты принес мне. Клянусь своей счастливой судьбой, клянусь Беллоной, матерью богов, это труды Аристотеля! Это то, что я тщетно хотел приобрести в Риме вот уж много лет! Это тот самый Аристотель, на которого ссылаются все писатели, но которого никто в Риме не читал!

Всю ночь до рассвета Сулла с упоением читал Аристотеля.

Читал о «государстве Афинском», о том, как шаг за шагом развивалась свобода в старых Афинах. Издали доносились звуки топора. Эго рубили сады Академии.

На следующий день доложили Сулле о прибытии послов от Аристиона для переговоров. Сулла велел ввести их. Вошло несколько царедворцев в златотканых одеждах. Подняв руки, начали они по очереди говорить гордым тоном, исполненным достоинства. Они говорили о Тесее, о времени Персидских войн, о былых победах Афин, о мудрецах и художниках, прославивших город. Голоса их патетически дрожали и звенели, длинные риторические фигуры, как узоры вышивки, обвивали их речь, но их смущало то, что лицо Суллы ничего не выражало. Он смотрел не то на них, не то куда-то в пространство. Это мешало им подыскивать нужные слова, они запинались и, наконец, замолкли. Сулла молчал, точно не заметил, что они кончили. Потом, будто спохватившись, что ведь надо же что-нибудь ответить, он сказал: «Идите, друзья мои, домой и не забудьте захватить с собой свои речи. Римский народ прислал меня в Афины не учиться, а смирить бунтовщиков».

Вскоре к Сулле явился лазутчик. Он был в городе и слышал, как там старики бранили тирана за то, что он оставляет без защиты то место, где легче всего взобраться на стену. Сулла в тот же вечер отправился сам осмотреть это место и тотчас же дал сигнал к атаке. В полночь войска уже были на стенах. Военные крики, рев рогов и труб разбудили спящих

афинян. Как загнанные звери, метались они, падая под ударами солдат. К утру улицы залиты были кровью. По всем домам шел грабеж. Солдаты врываются в храмы и тащили оттуда великолепные статуи: они обрывали с них золотые покровы, ломали слоновую кость с их рук и лиц, бросая мрамор и бронзу с пренебрежением. Афинские старцы лежали ниц перед Суллой, умоляя о пощаде. Они указывали ему, что все равно город уже взят, никто не сопротивляется; кому нужна излишняя жестокость? Сулла ничего не отвечал и только поглядывал на солдат, как бы говоря: они для того и служат, чтобы в случае победы иметь возможность обогатиться.

2

Сулла торопился окончить войну: вести из Рима не давали ему покоя; он решил разгромить марианцев вконец. Победив Митридата, он спешно заключил с ним мир и тронулся в обратный путь. Сын Мария, Цинна и другие марианцы готовились к бою. Между тем многие сенаторы, услышав, что Сулла уже высадился в Италии, тайно покинули Рим и примкнули к нему. При Сулле образовался как бы свой сенат. Началась война, жестокая, беспощадная. Вырезали населения целых городов, без пощады избивали пленников. Обе стороны одинаково зверствовали. Против Суллы выступил новый консул Сципион – бездарный потомок великого полководца. Сулла вступил с ним в переговоры. Пока полководцы переговари-

вались между собой, солдаты Сципиона вступали в беседы с солдатами Суллы. Сулланцы угощали их вином, хвастались своей удачей, своим веселым и привольным житьем, богатой добычей, полученной в Азии и Греции, и бесконечной щедростью своего полководца. Войско Сципиона с восхищением и завистью глядело на их разгульную, сытую и пьяную жизнь и кончило тем, что предало своего полководца и целиком перешло на сторону Суллы.

Решительный бой разыгрался возле самого Рима, у Коллинских ворот. Целую ночь бился Сулла с марианцами. Обе стороны не уступали ни шагу, клянясь лучше погибнуть, чем бежать. Но наутро Сулла одолел. Рим был в руках Суллы. Несколько тысяч пленников было загнано в цирк.

По городу побежали вестники, от имени Суллы приказывавшее сенаторам идти в храм Беллоны на заседание. Сенаторы, одевши тоги с красными каймами, направлялись один за другим в храм богини, которую Сулла считал своей заступницей. Иные из них радовались спасению Рима от марианцев, другие дрожали за будущее.

Явился Сулла и начал говорить: он сначала благодарил богиню Беллону за дарованную победу, потом начал выражать сожаление, что и среди благородных сенаторов иные стояли за Мария.

Сенаторы слушали, притаив дыхание. Но их отвлекали доносившиеся издали, со стороны цирка, крики и стоны, сливающиеся с трубным звуком. Они все росли и росли, пока

не перешли в страшный, раздирающий душу вопль, которого не могли заглушить звуки труб.

Сенаторы в смятении переглядывались. Сомнения не было. Это войска избивали пленников в цирке. Ужас охватил сенаторов.

Меж тем Сулла говорил по-прежнему спокойно, деловитым тоном. И только когда возгласы ужаса со стороны некоторых сенаторов прервали его, лицо его недовольно поморщилось:

– Я прошу вас, сенаторы, слушать мою речь внимательно и не развлекаться посторонним. Там по моему приказу учат негодяев. Но это не должно вас отвлекать от моей речи.

И он продолжал говорить о мерах, которые думал принять...

Началось что-то ужасное. Каждый день выставлялись на рострах новые окровавленные головы. Сулланцы врывались в дома, резали женщин, детей, грабили имущество и ходили по улицам в одеждах своих жертв. Гибли не только марианцы, но подчас и те, кто ни к какой партии причастны не были.

Даже среди сторонников Суллы многие ужаснулись этой резни. Однажды на заседании сената один молодой сенатор рискнул спросить Суллу: когда же кончатся казни и убийства?

– Мы не просим тебя щадить тех, кого ты решил казнить, – говорил он. – Мы хотим, чтобы ты избавил от страха тех, кого решил пощадить.

Сулла окинул его взглядом и небрежно ответил:

– Но я еще наверное не знаю, кого можно оставить в живых.

– Так объяви, кого ты решил умертвить, – настаивал сенатор.

Сулла подумал и ответил:

– Хорошо, я это сделаю.

Немного спустя было объявлено восемьдесят имен лиц, которых отныне всякий может убить не только безнаказанно, но даже с наградой в два таланта.

Список был прибит на площади.

Велик был ужас в Риме. Но на другой день ужас удвоился: рядом со вчерашним списком оказался прибит новый, где значилось уже двести имен. На третий день еще появился список, и опять – с новыми именами.

Перед напуганной толпой внезапно предстал сам Сулла, окруженный кучкой молодых аристократов, разодетых, надушенных и вооруженных с ног до головы. Глашатаи начали скликать народ на сходку. Сулла стал держать речь и объяснил, что он вписал имена тех, кого припомнил, а прочих, которых забыл, он впишет потом. Когда Сулла удалился, к спискам осужденных подошел почтенного вида старец. Его все хорошо знали: это был Квинт Аврелий, всеми любимый за честный и добрый нрав. Он стал читать список и вдруг закричал: в списке стояло его имя.

– Несчастный я! Меня губит мое Альбинское поместье!

С понурой головой он отошел. Но едва сделал несколько шагов, как к нему сзади подскочил оборванный человек с красными от вина глазами и пронзил его кинжалом. Отделив несколькими ударами голову старика от туловища, он понес ее, завернув в окровавленные отрепья, улыбаясь наглой улыбкой. Только вздох пронесся по толпе. Никто не двинулся с места. А все знали, что убитый вовсе не был причастен к борьбе партий: видно, его богатое поместье понадобилось кому-то из любимцев Суллы.

Тем временем отряды Суллы рыскали по деревням, всюду неся смерть. Убивали массами и в одиночку, выгоняли целыми селами жителей из их домов. На опустошенных местах сто двадцать тысяч солдат Суллы получили себе земельные наделы за свою службу.

Сулла был объявлен диктатором на всю жизнь. Как в старину перед царями, так теперь перед ним ходили 24 ликтора с секирами и связками прутьев. Он издавал законы, отменял другие, присуждал к смерти и сам распродавал, сидя в курительном кресле, имения казненных.

Приближался день консульских выборов. Несколько человек в белых тогах кандидатов ходили по площади, а сам Сулла, сидя в кресле на ступенях храма Кастора и Поллукса, взирал на толпу.

Внезапно раздался нечеловеческий крик. Один из кандидатов упал под ударом меча центуриона и, содрогнувшись несколько раз, испустил дух. Это был Лукреций Офелла,

считавшийся другом Суллы. Толпа бросилась на центуриона и потащила его по ступеням храма к креслу Суллы.

Но Сулла недовольно встал и резким движением руки сразу заставил толпу замолчать.

— Кто вам дал право хватать моего центуриона? Отпустите его тотчас, ибо он исполнил мою волю. Знайте, что я предал смерти Лукреция, так как он мне сопротивлялся. Он пожелал быть консулом, не бывши раньше ни претором, ни квестором, и тем нарушил закон, изданный мной,

Окинув своими оловянными глазами замолчавшую толпу, диктатор прибавил холодным, жестким тоном:

— Пахаря, пахавшего свое поле, кусали вши. Два раза он прерывал свою работу, чтобы очистить тунику. Но вши продолжали кусать его. Тогда он, чтобы не терять времени, бросил тунику в огонь. Пусть же побежденные не принуждают меня — для третьего раза — бросить их в огонь.

Презрительно повернувшись, он скрылся в храме Кастора и Поллукса. Граждане молчали.

3

Около двух лет Сулла правил Римом, то приказывая себя выбирать консулом, то указывая, кого он желает видеть облеченным этой властью. Триста новых людей, главным образом из армии, были введены в наполовину поредевший сенат. Власть народных трибунов была почти сведена на нет.

Во главе судов стояли сенаторы. Народное собрание собиралось только для того, чтобы выслушать волю Суллы.

Так однажды по приказу «счастливого» собрался народ на форум. Явились сенаторы и заняли свои места. Показался сам диктатор, как всегда, окруженный двадцатью четырьмя ликторами со сверкающими топорами. Ватага вооруженных сенаторских сыновей и других молодых нобилей шла за ним. Народ не мог не заметить перемены, вдруг происшедшей в диктаторе. Он отрастил бороду, в жестких завитках которой сверкала седина. Глаза глядели устало.

Он начал говорить, и с каждым его словом народ удивлялся все больше и больше. «Счастливый» говорил о своих заслугах: о том, как добыл он у Бокха скованного Югурту, о том, как раздавил восставших союзников, угрожавших самому Риму, как отмстил Митридату, как вырвал Рим у разбойников марианцев и упрочил правление сената.

– Теперь же, совершив все это, я могу удалиться на покой, к которому давно зовут меня мои шестьдесят пять лет. Слагая с себя диктатуру, я готовь дать отчет во всех моих делах, если римский народ потребует его,

Он вопросительно поглядел на все стороны. Полное молчание было ответом ему.

– Если кому-нибудь угодно потребовать отчета, я с удовольствием представлю его, – повторил он.

Недоумение росло. Народ не понимал. Что это? Насмешка, желание испытать своих врагов и друзей? Или в самом де-

ле тот, кто два раза входил со смертоносным войском в родной город, добившись всех своих стремлений, добровольно отрекается от власти? Сенаторы стояли, опустив глаза в землю. Лица солдат, опершихся на мечи, тоже ничего не выражали. Народ молчал.

Тогда Сулла сделал знак рукой. Тотчас все двадцать четыре ликтора сразу опустили свои фасцы с секирами и, спустившись с помоста, разбрелись в толпе. Повернулись и скрылись в соседних улицах солдаты. Сошли с помоста вооруженные молодые нобили. Сулла, улыбаясь, тоже сошел с помоста и пошел прямо в толпу, которая в ужасе раздалась перед ним на две стороны. Несколько друзей шли за бывшим диктатором. Он два раза прошелся вдоль форума, беседовал с друзьями, слегка смеясь. А потом направил шаги к своему дому.

Нервное волнение охватило толпу. Так это правда! Вот он, страшный Сулла, один, без охраны, идет, как частный человек, к своему дому. В задних рядах послышался сдавленный ропот. Сквозь толпу протискался молодой человек. Неуверенным тоном начал он бранить «счастливого». Тот будто не слышал и, не торопясь, шел к дому. Юноша набрался храбрости и пошел за ним следом, осыпая его бранью.

Вдруг Сулла обернулся к нему лицом. Толпа так и застыла.

С брезгливой гримасой Сулла сказал своим друзьям, указывая пальцем на юношу:

– Неприличие этого мальчишки будет причиной того, что другие диктаторы, которые последуют за Корнелием Суллой, не будут отказываться от власти.

Он повернулся и скрылся в дверях своего дома.

На заводах и в мастерских Древнего Рима (начало I века до Р.Х.)

В. Дьяков

Кто желает видеть дары всех морей и стран, произведения труда и эллинов и варваров, тому, по мнению древних, либо надо объехать весь свет, либо побывать в Риме, взглянуть на Тибр: «Это самый щедрый и самый крупный покупатель товаров всего мира!» И в самом деле, даже ночью из тумана над Тибром непрерывной вереницей выплывали силуэты многочисленных плотов, рыбацких лодок, речных барок и кораблей, подходивших разгружаться к каменной пристани под Авентином. Всю ночь по широким лестницам от берега к громадным Семпрониевым складам и торговым рядам с колоннами цепью тянулись усталые крючники и носильщики, тащившие бесконечные кули с мукой и солью, глиняные бочонки с винами, соленьями и консервами, тюки разноцветной шерсти и различные, бережно запакованные в связки, диковинные товары заморских стран. Тяжелые телеги, парой или четверкой, скрипя своими сплошными, без спиц колесами, спешили доставить на тут же близко лежавшие дворы лесные и каменные материалы, длиннейшие бревна и дос-

ки, привезенные с Кипра, из Фракии, Африки, громадный глыбы местного камня, а то и ценного мрамора из Северной Этрурии или даже с далеких островов и берегов Эгейского моря. В воздухе висели пыль и грохот, песни рабочих, крики и брань извозчиков, приказчиков, таможенных сборщиков и ночной стражи, которая под утро разгоняла запоздалые повозки с кладью, так как с наступлением дня запрещалось всякое конное движение по улицам города. А корабли, разгрузившись, уходили пустыми в обратный путь, ибо Рим много покупал на свои войны и ростовщичеством добытые деньги, но ничего не продавал взамен.

Римская гончарная печь

Однако в окрестностях города, вдоль всегда людных и шумных дорог, например дороги в Остию, Эмилиевой, Соляной и пр., по которым то и дело катились набитые пассажирами общественные крытые повозки и частные экипажи, все же можно было встретить сумрачные здания крепостных

помещичьих заводов и мастерских. Только они работали не для вывоза, а для удовлетворения потребностей самого великого города.

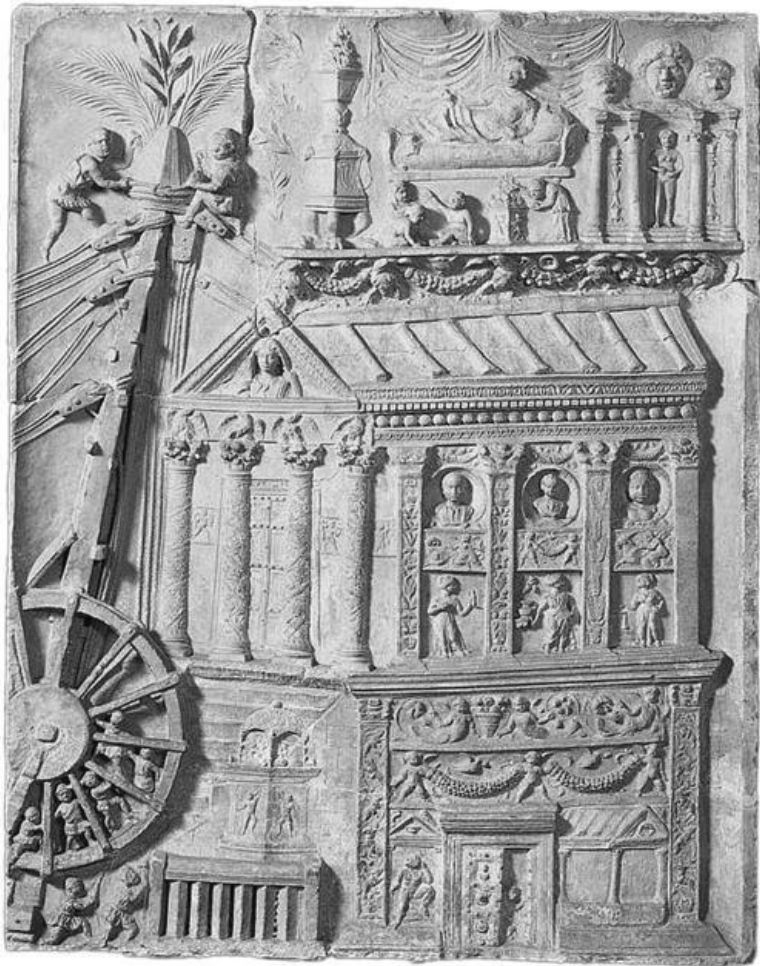
Осенью, в дни сбора оливок, здесь напряженно кипела работа на значительных маслодельных заводах, ведь целые сотни бочек оливкового масла ежедневно поглощал громадный город — на пищу, на мази, благовония и притирания, на свои бесчисленные лампы и ночники! Тогда распахивали свои широкие двери сараеобразные каменные здания заводов, вереницей подъезжали к ним телеги, уставленные корзинами свежесобранных оливок — и с собственных, и с соседних плантаций, и всех своих рабов помещики сгоняли на эти работы: посменно вертеть ворота, тянуть веревки блоков, приносить и уносить в погреб готовые продукты! Тогда в середине здания неустанно работала очистительная машина, над постройкой которой долго трудился, вооружившись сельскохозяйственным руководством старого Катона, сам помещик: он тщательно рассчитывал и обдумывал, устанавливая ее стержни, валы, перпендикулярно стоящие тяжелые жернова в форме полушарий и резервуары, сложенные из особо крепкого из Южной Италии привезенного камня. И труд его оправдался! Не успевали теперь и принимать очищенные машиной от кожи и косточек груды оливок два массивных оливковых пресса — два тяжелых бревна, на блоках подымаемый вверх. Мерно и тяжело опускались они вниз на подставляемые корзины оливок, и ручьем бежало масло по

покатому полу и оловянными желобам в непрерывно меняемые рабами сосуды. А тут же рядом возвышались сводчатые, громадные здания кирпичных заводов, где в дождливую осень и весну тем же рабам задавалась другая работа. Сюда с реки доставлялись еловые дрова, сплавленный с гор, и по широким ходам прямо внутрь обжигательных печей въезжали тяжело груженные дровами телеги. В громадное круглое помещение наверху над печами, с целой системой дымо-вых, вытяжных жаропроводных труб, рабы стопками складывали тут же наформованные кирпичи, черепичные плиты и водопроводные трубы, клейменные большими круглыми заводскими марками; по железным стержням развешивались еще сырые, грубо сделанные глиняные бочки, тазы, чаны и сосуды. Когда вспыхивало могучее пламя и вся окрестность надолго обволакивалась густыми клубами серого дыма, тех же освободившихся рабов-рабочих отправляли в поле пахать и боронить землю, где для их прокорма поля засеивались хлебными растениями.

И достаточно было пройти по улицам города, чтобы понять, куда шла эта масса изготавливаемого материала. Повсюду на старых, кривых и узких улицах, где часто не могли разъехаться две встретившиеся телеги, теперь «всадники»-капиталисты, разбогатевшие на казенных подрядах и откупах, возводили неуклюжие громады 6- и 7-этажных домов-«островов». Еще неровнее становилась и так уже ломаная линия построек, в которой глинобитные покосившиеся лачу-

ги чередовались с чистенькими домиками нобилей, выстроенных еще по-старому, из не обожженного, а только на солнце высушенного кирпича. Еще темнее становилось в полутемных и без того улицах, еще больше угнетающего шума вносили сюда повсеместно работавшие с раннего утра артели строительных рабочих – полуголых, одетых лишь в короткие холстяные фартуки, полуголодных, искавших заработать свои убогие 12 ассов в день; в большинстве – это все рабы и пришедшие в город на заработки крестьяне.

Целые дни визжали закругленные пилы, которыми пильщики распиливали громадные глыбы камня для фундамента, а тонкий нильский песок, что сыпали под лезвие пилы, подымал слепящие тучи пыли. Пели каменщики, складывая кирпичные стены и насыпая внутрь их щебня, ибо хозяин экономил в хорошем материале, и весь громадный дом дрожал и грозил развалиться всякий раз, как проезжала повозка с грузом или начинали работать чудовищные подъемные краны, что, сверху донизу опутанные блоками, канатами и приводными колесами, подымали на леса бревна, стопки кирпича и прочие тяжести, иногда в сотни пудов весом. Кровельщики, маляры, штукатуры и плотники доканчивали отделку построенных частей, а за всем зорко с циркулем и отвесом в руках наблюдали важные архитекторы-подрядчики, порой выбивавшиеся благодаря своим способностям из простых рабов и наживавшие громадные деньги.

Римский подъемный кран

Но и иначе еще умели поместить свои деньги богатые римские люди. Вот, например, у фонтана городского водопровода оборотистый раб, которого господин намеренно отпустил на волю и даже ссудил большими деньгами, как бы от своего имени открыл большую сукновальную мастерскую. И наружная часть улицы и внутренний двор были перетянуты веревками, с развешанными на них для просушки кусками материи, и женщины-работницы следили за сушкой. В постройках вокруг двора располагались всевозможные отделения мастерской. Здесь чесали тонкую тарентинскую шерсть, выщипанную с овец, которых годами водили зашитыми в шкуры, чтобы они не испачкали своего драгоценного меха. В большой зале с каменными бассейнами ее красили в нежные розовый, «гиацинтовый», светло-желтый и прочие модные цвета. В мастерской, разделенной на части невысокими переборками, мальчишки-рабочие, высоко подобрав туники, по целым дням «выплясывали танец сукновалов» – как острили в Риме: они в больших глиняных чанах валяли ногами уже вытканные материи и иногда для усиления удара даже подпрыгивали вверх, опираясь руками о перегородки. Там сильные мускулистые рабы били сукна палками на длинных каменных прилавках; там, подвесив, ворсовали их шкуркой ежа или головками чертополоха; там окуривали и белили серой, разложив их на особых редкоплетеных овальных корзинах. Растирали глиной для глянца, подстригали, растянув на подпорках, прессовали на особых прессах – и большой фаб-

ричный магазин, устроенный тут же у входа, мог продавать отличное сукно или возвращать заказчикам отданные в чистку и окраску старые вещи. В его двойном помещении – мужском и женском – всегда шел бойкий торг, причем многие вещи тут же и кроились особыми мастерами-закройщиками по росту покупателей. Работа сукноделов была так сложна и нужна для всех, что даже римские власти, всегда совершенно безучастные к работе ремесленников, вмешались и определили работу сукновалов особыми правилами.

Впрочем, далеко не часто встречались в Риме такие большие заводы и мастерские. Но зато повсюду нижние этажи домов пестрели яркими вывесками менее крупных лавок и мастерских. Ими были полны громадные «базилики» форума – Порциева, Семпрониева, Фульвиева, который построили на первую крупную добычу щедрые цензоры 180–170-х годов. Полны ими были и рабочие кварталы Велабр, Субура, Аргилет, большая «священная» улица, улицы «Хлебная», «Кожевничья», «Башмачная», «Дровяная», «Аптечная», «Слесарная» и множество других. Лавки и мастерские покрупнее помещались здесь под арками нижнего этажа, отгородившись от улицы и от соседей простыми парусинными занавесками с размалеванными рисунками товаров. Но большинство устраивалось в легких деревянных пристройках-балаганах или на простых открытых ларях, бесцеремонно захватывая с каждой стороны улицы по ее половине и оставляя теснящимся пешеходам лишь узкую тропинку посередине.

«Весь город обратился в сплошной базар», — жаловался поэт. И в самом деле, важному сенатору нельзя было пройти в своей белоснежной тоге, не рискуя измазать ее о прилавки уличных мясников, которые тут же на улице потрошили заколотый скот, набивали и варили колбасы. А рядом сапожники из грязного квартала Субуры кривым ножом вырезывали по размеру ноги прохожего-заказчика подметки сандалий; у других покупатели тут же на улице примеряли заранее заготовленную обувь. Рабы-управляющие, отпущенные из деревни хозяином в город за покупками, торговали у шапочника войлочные шапки или у резчика по дереву деревянные башмаки для подведомственной им сельской челяди, пока в соседней грязной мастерской мастер с своим единственным подмастерьем исправляли привезенный ими из деревни части плугов или виноградных прессов. Здесь столяры строга-ли и клеили убогую качающуюся мебель, а дальше пронзительно стучали молотки медников, изготавливавших дешевые таганы, подсвечники и кастрюли. Нараспев кричали портные-старьевщики, обещая дешево поставить заплаты на плащах, зазывали прохожих цирюльники, размахивая бритвами. В веренице медленно пробиравшихся покупателей, с веревочными мешками для покупок в руках, шмыгали, толкаясь, оборванные мальчишки-разносчики, посланные матерями продавать дома напеченные булки и медовые пироги или вылепленные ими глиняные куклы, петушки и лошадки. Но и среди этой пестрой полуголодной толпы небрежно «распо-

ясанных» по-домашнему ремесленников, в их грязных, до пят доходящих туниках, поражало преобладание неримских лиц и неримского говора. В самом деле, на каждого свободного ремесленника приходилось чуть ли не два десятка рабов, посланных господами на заработки, или «полузависимых вольноотпущенников», т. е. условно отпущенных на оброк невольников. Их нарочно покупали состоятельные люди, обучали ремеслу и отпускали на работу, под страхом новой тяжкой неволи и жестокого наказания, если своевременно не будет уплачен установленный господином взнос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.